
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(091)

«ВЫЗОВ РАЗУМУ»: ФРИДРИХ НИЦШЕ И ЛЕВ ШЕСТОВ

Т. Г. РУМЯНЦЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Переосмысливается творчество выдающегося философа и литератора, представителя русского религиозного философского возрождения начала XX в. Льва Шестова. Отмечается, что 150-летний юбилей со дня его рождения является хорошим поводом для того, чтобы привлечь внимание к деятельности этого блестящего мыслителя, работы которого широко известны не только в России и странах бывшего СССР, но и за рубежом, где он провел большую часть своей жизни. Учитывая главную тему произведений Л. Шестова (резкая критика рационализма как виновника, с его точки зрения, всех человеческих страданий), а также то, что определяющую роль в становлении воззрений философа наряду с сочинениями В. Шекспира, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского сыграли идеи Ф. Ницше, выявлены точки соприкосновения во взглядах обоих мыслителей, бросивших вызов разуму. Показано, что, экзистенциально переживая трагичность человеческого существования, Л. Шестов, подобно своему кумиру Ф. Ницше, резко выступил против науки как воплощения разума, провозгласив свой знаменитый призыв к так называемой беспочвенности как полной противоположности системосозидающим установкам философского разума.

Ключевые слова: Л. Шестов; Ф. Ницше; русское религиозное философское возрождение; критика рационализма; трагичность человеческого существования; беспочвенность.

Образец цитирования:

Румянцова Т. Г. «Вызов разуму»: Фридрих Ницше и Лев Шестов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 4–8.

For citation:

Rumyantseva T. G. «Challenge to Reason»: Fridrich Nietzsche and Lev Shestov. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 4–8 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Герардовна Румянцова – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Tatsiana Rumyantseva, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
tr30@mail.ru

**«CHALLENGE TO REASON»:
FRIDRICH NIETZSCHE AND LEV SHESTOV****T. G. RUMYANTSEVA^a**^a*Belarusian State University,
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus*

The article is devoted to outstanding Russian philosopher and writer, a representative of Russian religious philosophical revival of the early XX century – Lev Shestov, 150-year anniversary of whose birth was widely celebrated in 2016 worldwide. It seems that Shestov's anniversary will be a good occasion to draw attention to this remarkable thinker, whose works are well known not only in Russia and the countries of the former USSR, but also abroad, where he spent most of his life. Based on the fact that the main theme of all the Shestov's works was sharp criticism of rationalism as the culprit, in his view, of all human suffering, as well as the fact that a decisive role in the formation of his philosophical views, along with the works of W. Shakespeare, L. Tolstoy and F. Dostoevsky, played ideas of F. Nietzsche, the author attempted to identify common ground in the views of both thinkers who challenged the reason. It is shown that, existentially experiencing the tragedy of human existence, the Russian philosopher, like his idol Nietzsche, sharply criticized the science, as the embodiment of reason, proclaiming his famous appeal to the so-called «Groundless», as the exact opposite to the creating system settings of philosophical reason.

Key words: L. Shestov; F. Nietzsche; Russian religious philosophical revival; criticism of rationalism; the tragedy of human existence; groundless.

К числу основополагающих духовных принципов, составлявших в течение последних нескольких столетий цементирующее ядро европейского человечества, традиционно относят ценности разума, который благодаря выдающимся мыслителям XVII–XIX вв. действительно стал одной из фундаментальных презумпций всей западной культуры и цивилизации. Великие философы не просто декларировали эти ценности, а обосновывали и внедряли их в сознание людей. Глубоко проанализировав те трудности, которые стояли на пути воплощения в жизнь идеалов разума и свободы, а затем, уже в эпоху Просвещения, предприняв грандиозные попытки привить эти ценности всему обществу посредством целенаправленного образования и воспитания граждан, философы тем самым подняли их до высот разума и предписываемых ему принципов.

Первые попытки бросить вызов разуму и ключевым ценностям европейской культуры мы находим, как это ни парадоксально, уже в границах немецкого идеализма. Так, автор знаменитого философского труда «Критика чистого разума» И. Кант до сих пор ассоциируется с разработкой и осуществлением одного из наиболее масштабных, поистине коперниканских проектов тотальной критики разума.

Первенство И. Канта в числе тех, кто «представил нам границы и условность познания и тем решительно отверг притязания науки на универсальное значение и универсальные цели, одержав победу над скрыто лежащим в существе логики оптимизмом», подтвердил Ф. Ницше в своем произведении «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм» [1, с. 128]. Именно И. Кант, по словам Ф. Ницше, уничтожил «спокойную жизнерадостность научной сократики ссылкой на ее пределы и указанием тактовых, заложив тем самым основы т. н. трагической культуры» [1, с. 136]. Но была ли кантовская критика разума и в самом деле тотальной?

В своем вызове разуму выдающийся кенигсбержец, как мы помним, стремился выявить только необоснованные претензии разума и предрассудки о его всеисилии и т. п. Разум продолжал оставаться для него тем судом, перед которым должно предстать все сущее, в том числе и он сам, со всеми порождаемыми им иллюзиями. Об ограниченности и компромиссном характере кантовской критики разума, лишь притязавшей на тотальность, в конце XX в. писал французский философ Ж. Делёз. В одной из глав монографии «Ницше и философия», посвященной немецкому мыслителю, он назвал этот вызов разуму имманентным, а значит ограниченным, и признал ницшевский проект критики разума гораздо более последовательным и основательным. В частности, Ж. Делёз отмечал: «Никому никогда не доводилось видеть ни столь компромиссной тотальной критики, ни столь почтительной критики вообще. <...> Он [И. Кант] понимал критику как силу, которая должна затрагивать всякое притязание на познание и истину, но не само познание и не саму истину. <...> Тотальная критика оборачивается политикой компромисса <...> она имеет целью лишь оправдание, она начинается с веры в то, что ею критикуется» [2, с. 191]. Неслучайно Л. Шестов, по словам Ж. Делёза, будет искать «подлинную критику чистого разума не у И. Канта, а в “Записках из подполья” Ф. М. Достоевского» [2, с. 188]. Поэтому серьезный вызов разуму и его ценностям, вызов, который можно назвать проектом действительно

тотальной критики разума, мы находим в лоне западноевропейской философии жизни, строго говоря, лишь начиная с последней трети XIX в.

Мы привыкли относить к числу наиболее ярких и последовательных выразителей традиции критики разума Ф. Ницше, и это, разумеется, справедливо. Именно он отверг не только уже ложные истины, но и познание как таковое и довел критику разума до признания приоритета всего иррационального, инстинктивно-бессознательного в познании, противопоставив разум самой жизни – как чуждой, не способной понять ее силе. Немецкий мыслитель отказался от целого ряда презумпций классического типа философии, открыв тем самым дорогу последующей критике интеллектуализма и рационализма новоевропейской философии, всегда признававшей разум высшей инстанцией удостоверения действительности. Традиция тотальной критики разума составила мощную инородную струю философской классики и стала своего рода прологом нового типа европейского философствования, который отказался от претензий на завершающее системосозидание мира, поддержание мифа о единстве мира и разума и получил затем широкое распространение в иррационалистических программах экзистенциализма, психоанализа и феноменологии.

Среди мыслителей, находившихся у истоков этого типа философствования, был и выдающийся русский философ Л. Шестов (1866–1938). Именно его противостояние рационализму и рационалистической философии во многом стало своего рода образцом антирационалистической реакции целого круга европейских писателей и мыслителей, возникшей после Первой мировой войны, их тотального разочарования в разуме и прогрессе. Его вызов разуму привлек к себе внимание западных авторов, главным образом экзистенциальных, и ознаменовал значительное влияние идей русского философа на европейскую культуру XX в. Сегодня много пишут о том, что именно Л. Шестов задолго до того, как вступил в силу XX в., расслышал его весть, как никто иной – наряду с Ф. Ницше – поставил под вопрос науку и сам разум, открыл глубинную значимость ситуаций, которые европейские экзистенциалисты много позже назовут пограничными. Иными словами, в творчестве Л. Шестова мы найдем серьезную попытку – не менее радикальную, чем у Ф. Ницше, – пересмотреть всю классическую западноевропейскую философию. Русского философа роднит с Ф. Ницше очень многое. Попробуем перечислить схожие моменты в их жизни и творчестве.

Во-первых, принято считать, что от немецкого мыслителя Л. Шестов получил мощный импульс для формирования и развития своих взглядов. Ф. Ницше стал для него первым учителем самого искусства истинной философии. Как и Ф. Ницше, русский философ-экзистенциалист всю жизнь занимался разработкой одной и той же темы: пытался развенчать разум, и потому, как и его кумир, может по праву считаться критиком метафизического разума. Так, в статье, посвященной памяти Л. Шестова, русский религиозный философ В. В. Зеньковский написал, что после торжественных «похорон» рационализма в одной книге тот в следующем своем труде снова возвращается к его критике; что, «разрушив в себе один “слой” рационалистических положений, Л. Шестов натывается в себе же на новый, более глубокий слой того же рационализма. Тема исследований углубляется и становится от этого значительнее и труднее» [3].

Во-вторых, как и Ф. Ницше, Л. Шестов не принадлежал к академической среде, не следовал университетской доктринальности и, возможно, поэтому не боялся нарушить правила игры, начиная разговор о «причисленных к лику святых» европейских философах. Так же как и немецкий мыслитель, русский философ не относился ни к одной социальной общности: еврей в собственной стране (со всеми вытекающими отсюда последствиями), эмигрант в Европе, элитарный автор, писавший «для всех и ни для кого». Применительно к Л. Шестову, как и в случае с Ф. Ницше, можно говорить о своего рода «неуместности», «несвоевременности». Действительно, он не принадлежал ни к мистикам (хотя и бросил вызов разуму), ни к собственно религиозным философам (а ведь противопоставлял философскому умозрению откровение, которое даруется всемогущим Богом, взывал к нему, как тому, кто сверх, выше тщетного разума); не принадлежал он и к тому, что мы называем «русской философией»; не был и западником (хотя долго жил во Франции и был похоронен в Париже); не симпатизировал и славянофилам (несмотря на то что критиковал ценности Запада). А вот ярлык «нигилиста», разрушителя мировой философской традиции, яростно нападающего на науку, искусство, мораль, разум и культуру, на него, как и на Ф. Ницше, навешивали довольно часто. Вспомним здесь хотя бы С. Л. Франка. Еще один ярлык – «декадента» – также не раз использовался в отношении обоих мыслителей («большая душа», «больной век», «болезненное творчество»).

В-третьих, общность в судьбах и творчестве Ф. Ницше и Л. Шестова состояла и в том, что философы не пользовались при жизни успехом у своих современников. Отметим также тесную связь их мысли с личной драмой (а может, трагедией?), болезнью. Подобно своему предшественнику, Л. Шестов в 1895 г. пережил мучительную и затяжную нервную депрессию, которая вынудила его уехать на лечение за границу. Влияние нервного заболевания на его последующую философию многие считают

весьма значительным, особенно принимая во внимание то, что впоследствии Л. Шестов постоянно будет связывать мировоззренческий кризис в творчестве исследуемых им авторов с болезнью (его главные герои – Ф. М. Достоевский, С. Киркегард и, конечно, Ф. Ницше). Основной пафос известнейшего эссе Л. Шестова «Достоевский и Ницше» составляет непрерывно мучившая его мысль о том, «имеет ли право такой человек писать? Что может он рассказать нам? Что он страдает, страдал?» [4, с. 264]. Здесь же следует упомянуть и о его призыве к философии стать побудчицей, даже вирусом, вызывающим болезненное состояние – эпилептического припадка или чего-нибудь в таком роде, что облегчает трудную задачу искания. Как и Ф. Ницше, Л. Шестов полагал, что личность рождается при ударе судьбы, который не заменят «никакие проповеди, никакие книги, никакие зрелища». Отсюда и трагизм одиночества, решительный разрыв с «другими», погружение в это одиночество как в единственно подлинную среду для исследования «проклятых вопросов» человеческого существования и поисков путей к спасению современной культуры.

В-четвертых, как и немецкий философ, Л. Шестов всю свою жизнь «кричал, вопил, смеялся» над привычными ценностями и протестовал против них. По силе воздействия и отзывам современников эффект, который произвел его «Апофеоз беспочвенности» [5] на русскую культуру, был подобен «разорвавшейся бомбе», как и появление в свое время ницшевской первой «невозможной книги» – «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм» – в контексте вынесения приговора западноевропейской истории и культуре. Оба мыслителя, как точно заметил историк философии и культуры К. Свасьян, стали пионерами на стезе самоидентификации личных судеб с судьбами Европы. «Кислотный ум», по словам О. О. Грузенберга, Л. Шестова в этом плане вполне сопоставим с метафорой Ф. Ницше о себе не как человеке, а как динамите. И тот и другой философы как бы сконцентрировали в себе мощный критический, а точнее разрушительный, заряд, заставляя нас проснуться от догматического сна, чтобы радикально переоценить весь арсенал сложившихся и кажущихся незыблемыми интеллектуально-нравственных стереотипов и ценностей.

В-пятых, нельзя пройти мимо потрясающей афористичности стиля обоих мыслителей, когда именно афоризм становится наиболее адекватной, а порой и единственно возможной формой выражения мысли, чуждой какой-либо системности философии. Так, когда читаешь произведение Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности», кажется, что держишь в руках тексты Ф. Ницше. И если сам немецкий философ объяснял формирование столь необычного стиля его работ тем, что эта манера письма поначалу возникла поневоле, в промежутках между болями, лишь потом став, что называется, его вторым «Я», то для Л. Шестова такая форма явилась, по-видимому, единственно возможным способом борьбы с системной философией. По словам В. В. Зеньковского, «ему всегда был чужд основной пафос философии, ее стремление к систематическому мышлению. Именно к систематичности Л. Шестов и относился подозрительно и недоверчиво, видел в ней главную трудность в постижении последней правды. Систематичность была для него настоящим *testimonium paupertatis* (свидетельство бедности), истинным симптомом ограниченности и слепоты нашего разума» [3]. Ее последовательности он противопоставляет свободу мысли, ее мобильность, необходимую для упрочения собственных позиций, где, по словам В. Ерофеева, «каждый из афоризмов станет выстрелом, произведенным в сторону врагов» [6, с. 26].

О близости Л. Шестова к Ф. Ницше и его идеям – впрочем, как и о высоте его философской репутации среди французских интеллектуалов – говорит наконец и то, что с 1925 г. он являлся членом президиума Ницшевского общества (к слову, Л. Шестов был также членом общества еще одного критика разума – И. Канта).

В конце XX – начале XXI в. в европейской философии прочно утвердилась тенденция, которую Ю. Хабермас квалифицирует как «радикальную критику разума», полагая, что ценности разума, считавшиеся на протяжении предыдущей истории общечеловеческими, в последнее время подвергаются сомнению и не разделяются всеми цивилизациями и культурами мирового сообщества [7]. Более того, даже в современной Европе ценности разума во многом потеряли свои роль и значение, не говоря уже о других культурах, в иерархии которых они никогда не занимали основополагающего места. Все это лишний раз свидетельствует о важности переосмысления ценностных оснований современного мира и их обновления, а также необходимости еще раз обратиться к творчеству Л. Шестова как мыслителя, который одним из первых увидел все издержки избыточной рассудочности и гиперрационализма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Соч. в 2 т. М., 1990. Т. 1.
2. Делёз Ж. Ницше и философия. М., 2003.
3. Зеньковский В. В. Памяти Шестова // Вестн. РСХД. 1939. № 1. С. 8–14 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-shestov.php> (дата обращения: 11.08.2016).

4. Шестов Л. Философия трагедии // Избр. соч. М., 1993. С. 159–326.
5. Шестов Л. Опыт адогматического мышления // Избр. соч. М., 1993. С. 327–476.
6. Ерофеев В. Одна, но пламенная страсть // Л. Шестов. Избр. соч. М., 1993. С. 5–38.
7. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.

REFERENCES

1. Nitsche F. Rozhdenie tragedii, ili Ellinstvo i pessimism. Soch. in 2 vol. Mosc., 1990. Vol. 1 (in Russ.).
2. Delez Z. Nitsche i filosofiya. Mosc., 2003 (in Russ.).
3. Zenkovsky V. V. Memory Shestova. *Vestnik RSHD*. 1939. No. 1. P. 8–14 [Electronic resource]. URL: <http://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-shestov.php> (date of access: 11.08.2016) (in Russ.).
4. Shestov L. Filosofiya tragedii. Izbr. soch. Mosc., 1993. P. 159–326 (in Russ.).
5. Shestov L. Opyt adogmaticheskogo myshleniya. Izbr. soch. Mosc., 1993. P. 327–476 (in Russ.).
6. Erofeev V. Odnа, no plamennaya strast'. In L. Shestov. *Izbr. soch.* Mosc., 1993. P. 5–38 (in Russ.).
7. Habermas Y. Filosofskii diskurs o moderne. Mosc., 2003 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 12.10.2016.
Received by editorial board 12.10.2016.*